СТРАННИК

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

АРХИЕПИСКОП ИОАНН ШАХОВСКОЙ

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ

ΙΧΘΥC

КАЛИФОРНИЯ

1983

Не удержать земле любви нездешней,
Уходит в небо первая роса,
И у сиянья розовых черешен
Качает лепестки свои оса.

Не слышно даже шёпотов. И блики
Свое сиянье прячут, но о нем
Над белыми цветами земляники
Мне солнце говорит своим огнем.

МЯТА

Каждый раз мне хочется все проще
Отходить к словам совсем простым.
Ночевало небо в темной роще,
А потом ушло в зеленый дым.

И, весельем утренним объято,
Засияло множеством ветвей,
И пошел глазок лиловый мяты
По дорогам юности моей.

Мяты лиловатые настои
Пахнут утомительно легко.
И уходят в легкое, простое,
Белое сиянье облаков.

ВАСИЛЁК

Стучится кровь к сердцам ленивым,
Летит земля сквозь тьму орбит,
А василёк на белых нивах
О небе с нами говорит.

И открывая нам несмело
Дорогу к радостным слезам,
Он прячет худенькое тело
И васильковые глаза.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ОБЛАКА

Нет управы на большие облака,
Несерьезно все они плывут, слегка –
И проходят, увлекая стих
Красотою легкостей своих.

Над большой околицей земной
Все они к любви идут со мной.
Но – прольется легкая вода,
И от них не будет ни следа.

Словно нет и вечности, пока
Все уходят в вечность облака.

ГРОЗА

Ворчит земля, поднявши к небу тучи,
Стихает мир, ушла голубизна,
И только прах, неверный и летучий,
Как будто пробуждается от сна.

Идут на землю сладостные тени,
Идет на мир священная вода,
И ласточка в предгрозовом смятеньи
Целует небо в зеркале пруда.

ЛЕБЕДИ

Мы лебедями белыми бедны,
Мы лебедей поющих не встречали,
У нас и нет еще такой волны,
Где лебеди бы медленно качались.

И нужно нам еще поверить им,
Словам своим земным, совсем простым.

Начинаю все с тишины,
Где молитвы разрешены,
Но слова еще не слышны.
Начинаю едва-едва,
Говорю простые слова.
Тишина напрягает лук,
И стрела вылетает вдруг.

УТРЕННЕЕ УСКОРЕНИЕ СЕРДЦА

К утру пути накатаны,
Тени мира устали,
Небо светлое спрятано
В самые чистые дали.

Небо уже колышется,
Ясностью новой зреет.
Слышится нам и пишется,
Дышится все скорее.

ХЛЕБ

Он хрустит неспроста.
Приоткрывши уста,
Он ищет ответных уст.
А в небе уже везде
Навстречу белой звезде
Восходит розовый куст.

ГОЛУБЬ

Памяти Николая Кишилова

На антенне телевизорной
Голубь сел с зеленой веткою,
Необъявленный, непризнанный,
Не сочтенный птицей редкою.

Было холодно под облаком,
Под его дождем артачливым.
Ветры мир тянули волоком,
Словно облак незадачливый.

А в антенну шли подарками
Шумы шуммерийской музыки,
И уста сплетались жаркие,
И плясали тальи узкие.

Помнил голубь мглу ковчежную,
Наполнявшуюся воплями,
И держал он зелень нежную
Над землей своей потопленной.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Ю.Н. Семенову

Умирал старый король,
Тронный был заперт зал.
Короля обступила боль,
Король, как мертвый, лежал.
Было трудно жить королю,
Трудно и умирать –
Неудобной была кровать
И никто не шептал: люблю.
А шептались только врачи,
Как бы сон короля продлить,
Но продлить его не могли
И умер король в ночи.
А дело было не в том...
В мир приходила заря,
И всем открылось потом –
Умер король не зря.

Он умер для всех стихий,
Стал выше горных снегов,
И время слагало стихи
Добрые про него.
Он стал большим королем,
Стал он бóльшим, чем был.
А ветер плакал о нем,
И дождь над могилой лил.

НЕРАССЛЫШАННАЯ ВЕСНА

Опять пришел я в этот уголок,
Где мир широк и низок потолок.
Вокруг цветут немецкие мимозы,
И ветер над землей теряет слезы
Неслышных и невидных облаков.

Мне близок всякий образ тишины.
И хочется дотронуться рукою
До неба, где вопросы решены.
Ему не надо говорить с тобою,
Слова твои уже ему ясны.

Весну всегда мы любим долго ждать,
Открыто нам терпения значенье,
Мы верим неизбежности цветенья,
Мы любим долгих сроков благодать
И ожидания, и замедленья.

Нам жалко нерасслышанной весны –
Нерусская, она бывает краткой,
Придет нежданно и уйдет украдкой,
Но ею мы теперь побеждены
И арестованы ее порядком.

Мелькнет она среди цветущих трав,
Останутся одни желтофиоли,
И нет уже привычной этой боли,
И солнце на большом своем престоле
Уже молчит, всю истину сказав.

Так мы весну теряем каждый раз.
Едва придя, она уже уходит,
И мы не знаем, где она сейчас,
В каких краях она, в каком народе.
Она, быть может, не забудет нас.

Вюртемберг. Март 1977.

ЧЕЛОВЕКОСОТВОРЕНЬЕ

В струеньи света, зарожденьи линий
Играл с огнем проснувшийся Адам,
И разливалось по земным садам
Нетленное сияние глициний.
Средь молний белых жимолость пылала
И небо загоралось на горах.
Мы познаем в огне свое начало,
Творец увидел нас, как райский прах,
И сотворил небесное свеченье,
Средь первых пчел в недремлющих садах.
Так было человекосотворенье.

ИСТОРИЯ

Из камня мира искры высекая,
Мы плакали среди своих камней.
И движется история земная,
И мы всё плачем и играем с ней.

СОЛНЦЕ ОСТЫВАЮЩЕЕ

Загородилось небо городами,
И зарево стоит над ним, как плач.
Терзает землю холод, как палач,
И солнце нас уже не согревает.
Нужна земле вся неба кладовая,
Милльоны солнц теперь нужны для нас –

И та звезда, что светит нам из Рая.

От ночной спасен я нежити,
Скоро будут розы дня.
Века целого три четверти
Понесли уже меня.

И стихают шумы грозовы,
Лег на землю белый прах.
Я лежу младенцем розовым
В чьих-то бережных руках.

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ НИЩЕГО

Кровь течет из ран открытых
Человеческого братства.
Лазарь, нищий знаменитый,
Лег у самых врат богатства.

Псы его лизали раны,
Словно знали милосердье,
И тянулась непрестанно
Жизнь его навстречу смерти.

А в дворце своем непрочном
Жил Богач с родней послушной
И, хвалясь богатством скушным,
Веселился еженощно.

К нищете земной, бездомной
Небожители слетели,
И пошел в небесном теле
Нищий Лазарь в мир огромный.

На колени к Аврааму,
Словно белый сноп колосьев,
Душу ангелы приносят
От земных страданий прямо.

Эти ангелы не знают
Богачей, забывших милость.
В бездну ада провалилась
Богача душа земная.

К нам приходит смерть мгновенно,
Неожиданно-сурова,
И налить не может снова
Человек свой кубок пенный.

Окружен огнем и тьмою,
Поднял взор Богач незваный:
«Сжалься, отче, надо мною!»
Закричал он Аврааму.

И услышал он правдивый
Авраама голос твердый:
«Вспомни, чадо, жил ты гордо,
Рассуждал о жизни криво,

А теперь другие люди,
Сам понять ты это должен,
По Закону Правосудья
Получают радость тоже».

Но любовь не с краю хата, –
Всех жалеет кроткий Лазарь.
Как несчастна жизнь богатых,
Лазарь в небе понял сразу.

Просит Лазарь Авраама:
«Отпусти меня к собрату,
Вновь мои открылись раны
От страдания богатых.

Мне богатых жалко, отче!
Все мы грешники Адама...»
Плачут Лазаревы очи,
Плачут очи Авраама.

Ад пронизан слезным взглядом,
Плачут грешники большие,
С адом плачет вся Россия,
Примостившаяся рядом.

Мириады слез жемчужных
С неба льются в пламень ада.
Только это людям нужно,
Только жалость людям надо.

Говорить земле о рае –
Это очень много значит.
Все творенье воскресает,
Оттого, что Лазарь плачет.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЕЗД

Веков твоих замедлена езда,
Но городки твои мелькают мимо.
Люблю, Европа, эти поезда,
Несущие тебя непоправимо.

Дождем твоим и кровью мир полит,
Минувшее все тише и бледнее,
Но человек в твое лицо глядит,
От старой красоты уйти не смея.

ДАТСКОЕ ЛЕТО

К тебе рассвет идет через стекло
И чайка вновь пьянится небосводом.
Так начинается твоя свобода
И строгое рождается тепло.

Но жизнь еще сокрыта в сонной мгле
И мир ее любви неузнаваем,
И только этот хладный отсвет рая
Обещан, как любовь, твоей земле.

Мы никуда теперь уйти не можем,
Как только в этот чуть холодный Сад,
И оттого на небо все глядят
И небо нас рассматривает тоже.

И спрашивает небо:«где ты был,
Когда творилось это мирозданье
И не было еще земных могил
И не лежало в них земное знанье?»

И долго небо спрашивает нас,
И голубых не опускает глаз.

Звезды стынут в звездной стуже,
Гибнут в море корабли,
Почему же, почему же
Так прекрасна жизнь земли?

Оттого, что смертной тенью
Все плывет спасенный Ной
К неизбежности спасенья
Невозможности земной.

СЕРДЦЕ

Не поймется и не уловится,
Перейдет свой холод и зной,
Но, когда-то вдруг остановится
Над медлительностью земной.

Всё, хотевшее безмятежности
Открывающихся путей,
Остановится в этой нежности
И неведомой, и твоей.

БАЛЛАДА О КРОХАХ

"И псы едят крохи, которые
падают со стола". Мф. XV. 27

Крошку белую со стола
Мне сама любовь принесла.
Я хожу под столом вокруг,
Нет ни слов у меня, ни рук.
За столом сидят господа,
Пред ними большая еда.
А я под столом все хожу,
Крошку малую нахожу.
Есть у пса своя благодать
Крошки малые собирать!
Я лишь пес, но я пес с душой,
Мне не нужно крошки большой,
Мне не нужно больших наград,
Жизнь идет светлей, веселей,
Каждой крошке своей я рад.
И над всею жизнью моей
Крошки неба летят, летят.

ЖАЛОСТЬ К МЛАДЕНЦАМ

Никуда мы не денемся
Из бедной своей пустыни.
Люди, жалейте младенцев,
Вы были когда-то ими.

Солнце в землю скрывается
Каждою белою ночью.
Тени к земле являются,
Хочешь ты иль не хочешь.

Жизнь подается на блюдце,
Блюдце – желанья граница.
От сна никуда не скрыться
И не для кого проснуться.

Все рады, когда ты тихий,
Лишь изредка пробуждайся,
От умных людей скрывайся,
Для чего умному – крики?

Все тянутся поколенья,
Поплачут и запевают.
Потом падут на колени,
Что делать — никто не знает.

А сонная мгла земная
Идет над младенцем кругом.
И плачут все друг над другом
Младенцы у двери Рая.

Послушай, как дети плачут,
Ты правду мира услышишь —
Ведь слезы младенцев значат,
Что каждый из них подкидыш.

СТИХИ О ВРЕМЕНИ

Непостыдная тайна времени
Не по времени велика.
Тайна бремени, тайна семени,
Чудотворной любви рука.

Мы давно пред безднами счастливы,
Нам дано лишь смотреть назад.
И, крутясь как щепка пропащая,
Низвергаемся в водопад.

И кончается время бремени,
Тайна семени, тайна времени.

Не хватает нам, не хватает,
Этих дней, – и откуда взять?
Рыба воздух сухой глотает,
Ей не хочется умирать.

И, когда сойдут эти хрипы
В человеческие уста,
Зацветет белизною липа,
Приготовленная для креста.

Время тает и умирает,
И откуда его нам взять?
Возникает оно и тает,
И приходит к земле опять.

Скоро время совсем устанет,
И поэзии красота
Будет время вдыхать устами
В умирающие уста.

ПРОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Пред Тобой стояла Саломея,
Обвинители ее ушли.
Друг за другом отошли, робея,
Бедные сыны Твоей земли.

И осталась женщина немая,
Миром удивленная душа,
Что ждала любви, ее не зная,
Не прося, не веря, не дыша.

К ней сошло прощения безмолвье.
Небо солнцем застелило высь
И чрез все столетья в Подмосковье
Солнечные дымы пролились.

У дорог Твоих больших и знойных
Все приходит эта благодать
К женщинам святым и недостойным —
И молчать, и плакать, и страдать.

И все сходит с неба эта притча
О спасеньи женщины, о том
Как, не зная рая, Беатриче
В рай вошла звездою со Христом.

Дождь стучит по мутным стеклам,
Ударяет невпопад,
И стоит под утром блёклым
Наш земной холодный сад.

В каплях водных шум безродный
Человеку в мире дан.
В каждой капле водородной
Разрушенья океан.

Открывает втихомолку
Сердце мудрое мудрец,
А земля стучит без толку
Мириадами сердец.

Последних птиц медлительная стая
Замешкалась в оставленном лесу.
Холодный день, как ясень, умирает
И все уносит позднюю красу.

Недогоревшими ее огнями
Еще живет лесная глубина,
Но ветер слёз в моей оконной раме,
И небом слёз моя земля полна.

ST.GILGEN

Я отвык от всех снежинок,
Странен танец их земной.
Словно ходит белый инок
Предо мной и надо мной.
И за ним иду я, каясь,
Удивляясь, покрываясь,
Растворяясь белизной.

CHARRING CROSS

Зинаиде, сестре

Предутреннее оживленье ломко;
Пустеет площадь, растворясь в делах,
И дождь своею бедною соломкой
Метет, метет земли холодный прах.

Душа стоит перед стеклом оконным
И видит нерожденную страну
Простых людей, еще немного сонных,
У лондонской туманности в плену.

ПАМЯТНИК ВЕРЕСАЕВУ В ТУЛЕ

Черта прямая и чуть-чуть косая
Ведет чрез Тулу. Чахлый, пыльный сад.
Река неблагозвучна* для наяд.
Украсил этот город Вересаев.
Он доктор и писатель. Был женат,
О Пушкине писал без умолчанья,
Лечил людей, вылечивал навряд.
В чугунном сюртуке своем до пят,
Он охраняет русское молчанье.

* Упа.

СИНАЙ

Где синеет Галилея,
Светит миру белой раной,
Как озерная лилея,
Кроткий Ангел гор Ливана.

А над миром смерть струится,
Раскаленный дух пустыни,
Черной кровью в далях стынет,
Убивает в небе птицу.

Моисей идет бледнея,
Никого не узнавая,
Где арабы, где евреи,
Не понять в песках Синая.

У песков его предгорных
Продают в Египет брата,
И телец пасется черный,
Опоённый черным златом.

Все народы мира —дети,
Смерть играет с ними в скалах,
И идет на них оскалом
Двадцать первое столетье.

Не оливам, а кумирам
Люди власть земную дали.
И все громче звук над миром
Разбиваемых скрижалей.

СЛЕПАЯ ТАМОЖНЯ

"Откройте всё. Везете ли спиртное?
Табак?..." И ходит верный страж
Страны земной, тряся добро земное,
Осматривая ваш багаж.

О детская во всех краях забава –
Не замечать умов холодных ложь,
Не видеть этот яд недолгой славы,
Которую под сердцем ты несешь.

СИНИЕ ЦВЕТЫ НА ГОРЕ

Отсвет неба в свете синем,
В лепестках неосторожных.
Скоро этот мир покинем,
Где беседа невозможна.

Только сердцем, еле-еле,
Узнавать мы сердце в силах,
А слова давно истлели
В затерявшихся могилах.

ДОСТОЕВСКИЙ

"... если б кто мне доказал, что Христос вне истины... то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной."

Достоевский
Письмо к Н.Д. Фонвизиной

С того Семеновского плаца
Безмерной бедности земной
Я начал истины касаться
И знать, что Ты всегда со мной.

Мне ангелы тогда сказали
О первой тайне бытия –
О том, что Ты всегда в начале,
А после – истина Твоя.

РАССВЕТ ИЕРУСАЛИМА

Через кладбище запустелое
Золотые птицы проносятся.
В первой радости неумелая,
Вся в слезах стоит Мироносица.

Слово сказано ей заветное,
Ничего к нему не добавится.
Только птицы кричат рассветные
И на кладбище солнце валится.

ЖАЛОСТЬ К ОБЪЯТЬЯМ

Жизни сладостные тайны
Обнимают все творенье.
Этот мир — стихотворенье
Об одной любви бескрайной.

Но так часто мы бываем
В этом мире не такими.
Я слезами обливаюсь
Над объятьями людскими.

Стихи промелькнут. От них
Останется стих один,
Бедный, потерянный стих
Каких-то новых глубин.

Он все на свете поймет,
Взлетит горящей стрелой,
Пойдет в свой последний лёт
И станет навеки мной.

ЗЕМЛЯ

Чуждый песням и добродетелям,
Я остался среди людей
Только странником и свидетелем
Удивительности твоей.

Я тебя только словом трогаю,
Ты, как небо, идешь ко мне
И ведешь своею дорогою
К удивительной тишине.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛИРИКИ

Выхожу в сад свой. Светло-синее небо, цветы. На деревьях малые бабочки, пчелы и еще что-то летящее, живущее. Тепло, никакого шума, только еле слышные звуки, шорохи. Что-то есть райское в твоей *свободе*. Свобода человека очищена от всего не-райского. Она есть начало ничем не нарушаемого мира, дыхания и тишины сердца. Так бы жить вечно.

Здесь начинается удивление.

Огромен смысл притчи о Виноградарях (Лук. XX), как явления свободы. Хозяин удалился, ничем не связав Виноградарей, оставив им их свободу. Подчеркнуто: удалился надолго. Это и есть вся история земли. Земля осталась, как бы, без Бога. Мы живем сейчас при Отдалившемся Творце. Нам дана свобода – уважать Хозяина, Его помнить, любить, верить в Него; а другим остается своеволие не думать об Отце своем. История – рентген человечества нашего... Работники Виноградника украли у Хозяина землю и изгоняют Им посланных. Даже Сына – убили. Человек сделал из свободы своеволие. Нечему удивляться, глядя на историю.

История – таинственнейшее единение Божьей воли и свободы человеческой. Программируется будущее настоящим.

☆

Некуда податься. Земля идет в воронку.

Атеистом человек может быть только до своей смерти. После – все будут верующими. Но, выбрать то, что будет после, надо сейчас, и как можно скорее.

Уже нам не выйти из ракеты, которая понеслась над землей. А мы стараемся высунуться из нее и схватить на земле какую-то побрякушку.

☆

Бог хочет от нас божественного.

☆

Главный грех евреев в том, что они подражают плохим христианам, сбрасывая с себя вину пред Христом.

Говоря о прибавочной стоимости, Маркс указывает лишь на экономику. Будто только тут происходит эксплуатация и отчуждение. Но – это духовные феномены. Люди ушли из высшего измерения. В мире греха больше, чем они думают.

Разнообразен феномен эксплуатации: отчуждаются политически, государственно, расово, классово, лично, нравственно. Самая бесчеловечная – эксплуатация истины, нравственного ее смысла.

«Если хочешь быть божественным, будь сокровен, как Бог».

(Григорий Богослов – IV век).

Да не будет в тебе ни песчинки пустомельства о Боге. Слово о Нем прополаскивай в девяти ангельских водах.

☆

«Верный в малом» Что такое «малое»? Вся земная жизнь.

☆

Феофан Вышенский определяет, как начинается вера: «надо беду зажечь вокруг».

☆

Вера – это «страх на всякой душе» (Деян. II,43). «Хождение на цыпочках».

Амёба прекрасна в воде. Но выньте ее, и она станет жалким сморщенным платочком. Так и апостольский век. Историки Церкви всё изучают его, вынимая из океана Божественного.

«Все общее» было у христиан I-го века (Деян. II,44; IV,32). Цельность, близость общая к Богу. Оттого «были вместе, имели всё общее, продавая свои имения, разделяли по нужде каждого». Можно ли Богу отдать меньше, чем всё? Нет.

«Да приидет Благодать и да прейдет мир сей»! Чистые слова первохристианства.

Верующие во Христа, алкоголики свободы. А мир думает, что они «напились сладкого вина». (Деян. II, 13).

«Он свидетельствовал и увещевал, говоря: спасайтесь от рода сего развращенного» (Деян. II,40). Так и видишь всю горячность этого увещания. Слово горит и несется над землей.

«Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти» (Деян. I). Дело наше в другом.

Дело одно в мире: любить Кроткого Духа Божия. Любить Христа, открывающего Отца... Блаженную сверхчисленность Божию.

Радость в том, что «солнце сияет над добрыми и злыми». «А Я говорю вам (Мф.V,44-45): любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».

В деяниях Апостольских, шестой главе, решается так экономическая проблема: попечение хозяйственное («о столах») должно поручаться людям

1. ИЗВЕДАННЫМ,
2. ИСПОЛНЕННЫМ СВЯТОГО ДУХА,
3. ИСПОЛНЕННЫМ МУДРОСТИ.

Временное все уже в вечном.

Христос не только о грешности, но и о прелюбодейности сказал. Человечество: «род прелюбодейный и грешный». «Прелюбодейство» поставлено впереди греха. Оно есть нечто более смертоносное, чем грех. Оттого свята любовь.

Древние люди не были материалистами, скрягами. Взволнованные, они «раздирали одежды свои». Как прекрасно! («Встал царь, и разодрал одежды свои… и все слуги его, предстоящие ему, разодрали одежды свои» (II Царств, 13). И фарисеи не жалели одежд своих, раздирали их, слушая ап. Павла. Какая цельность в этих грешниках. Теперь и богачи не хотят разодрать своих одежд. Им жалко.

Моисей, сойдя с Синая, был так потрясен плясанием евреев вокруг демонического Тельца, что, в святом гневе, бросил Божьи Скрижали Завета и разбил их. Вот, уже тысячелетия, эти осколки разносятся ветром по миру, а Телец всё стоит и человечество пляшет пред ним.

«Смотрю на землю – и вот она разорена и пуста, – на небеса, и нет на них света. Смотрю на горы – и вот они дрожат, и все холмы колеблются. Смотрю – и вот нет человека, и все птицы небесные разлетелись».

(Иерем. IV,23-25).

Ложных пророков трудно изучать (как фальшивую музыку). Самый процесс нестерпим.

Как много посылаем мы празднословия в небо. Жалко ангелов. Сколько им нужно терпения отсеивать нашу суету.

Петр на Фаворе рвется построить палатку. Чудесная душа, не видит, что он уже в ней.

В мире много козлиности, скучного и бессмысленного духа. Мы всё становимся по левую сторону от Христа (Мф. XXV).*

Процесс нужный: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин. III,30).

☆

Поэзия – это не те стихи, которые мы пишем (она лучше).

---

* Не отдавая себе в этом отчета.

Русская поэзия еще не нашла своего высшего выражения. В ней недостаточно «различения духов». Поэты еще хранят с райским духом и преисподний. Забавляются им.

☆

Утомительна наша безблагодатная серьезность. Видя ее, хочешь писать веселые стихи.

☆

Слезинка ребеночка спасает человечество. Этого не увидел Иван Карамазов. Что было бы с нами, не будь святой слезинки.

У Бога нет последнего места, все у Него первые места. Тайна великая. Надо только всех усаживать впереди себя.

☆

Благодать держит мир в огне. Выхода нет. Земную пищу кладем в холодильник, чтобы сохранялась. Пища вечная хранится в пламеннике.

Поэзия – это не переложение чего-то на «стихи».

«Человек лучше птиц» (Мф. XII). Культура – понимание этого.

Не любят Бога только по одной причине: Его не знают.

Счастье – это якорь, брошенный в глубину и зацепившийся там за что-то непоколебимо-милостивое.

«Если Сын освободит вас, воистину свободны будете». Всё в этом *если*.

Преданность
Верность
Послушание
Благодарение
Покаяние
Славословие
Безмолвие
Служение
Предстояние
Ревнование
Возрастание
Вникание
Поучение
Прощение
Умудрение
Удивление
Бесстрастие
Делание
Умиление
Нищание
Прозрение
Молчание

Ущедрение
Созерцание
Утешение
Рассуждение
Видение
Хваление
Смирение
Доверие
Увеселение
Пение
Горение
Цветение
Надеяние
Любление
Укрепление
Углубление
Возвышение
Воскресение

Это все сияние человека, идущего со Христом. «Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге» (Лук. XXI).

У каждого из нас особая азбука духа. В молитвах церковных сконцентрированы лучшие слова. Но не всегда надо прикручивать свою волю к словам других. Корабль у пристани – тоже корабль, но выйдя в море, он еще более корабль.

Le monde est plein de fous et qui n'en veut pas voir, doit s'enfermer tout seul et casser son miroir.
С французским остроумием не поспоришь.

Истину человек может вместить только чуть-чуть. Но в этом «чуть-чуть» – Вечность.

Грех манит тем, что он «похож на свободу»; он «вроде благодати».

Мнимая свобода, неверная радость, ложный простор. Человек обманывает себя. Это и есть грех.

Гордость – это величие, опустившееся на адское дно.

Человеку трудно себе представить все лабиринты своей неправды. Но прозрачность всё выводит на свет. Мы хотим прозрачности. Это особое таинство.

Жажда истины так нам нужна… Смотрю на утренние, солнечные сады. Если их Бог «так одевает», как же не возрастит Он посеянную в нас истину?

У поэта истинного только две возможности: быть пророком или – лже-пророком.

☆

Диавол очень старый вор,
Не вступай с ним в разговор.

Славь Бога за тех, кто славит Его, и за тех, кто не славит.

Готовность к любви – один из признаков веры.

Благодарить Бога сладко, но трудно видеть, что благодарность наша столь не эквивалентна Божьей милости.

Просьба, обращенная к Богу, – радость, ничего не просящая.

Благодарность за дар всегда ценнее дара.

Евангелие трудно «цитировать», так как в нем абсолютно нет ничего нецитатного.

Пред Богом всегда соскакивай на последнее место (со стыдом или, хотя бы, с убеждением).

Есть дома «предварительного заключения». Земля – дом предварительного оправдания.

Любовь переходит в веру, а вера все хочет быть любовью.

☆

Нас волнуют масштабы… Нам всё хочется победного, рукоплескаемого, безмерного. А Небо благословляет все малое, немногословное, недостаточное. Мы избираем гражданство, а Бог беженство.

Мы становимся бездомными, как Ты. Но Тебе негде преклонить голову, а мы головы свои можем приклонить к Твоим ногам.

Ни в кого, даже в самого себя не хотел бы я «перевоплощаться». Моя воля, столь шаткая в добре и чистоте, ненавистна мне. Как же снова в «себя» опять входить? (Тем более – в другого!). «Перевоплощение душ» – метафизический кошмар. Человек хочет воскресения в бессмертии личном. Господи, воскреси!

Нет другого Неба, кроме Иисуса Христа.

Скучны наши бесконечные счисления времени: (всё те же) «понедельники», «вторники», «часы», «минуты», «дни»... Солома, от зерен отделяемая, шуршит; зернам она больше не нужна, они ею тяготятся.

Радость прощения восполняет даже неполноту покаяния.

☆

Приблудным, шелудивым псом в Доме Отца лучше быть, чем властителем этого мира. Записывайтесь в любовь к Отцу.

☆

Небо испещрено чудной милостью и строгостью великой. Как это соединяется, не знаю. И никто этого не понимает.

Нежелание видеть какого-либо человека немного похоже на приказ его расстрелять.

Евангелие стоит на бездонном добре.

Молитвенно со-присутствовать возникающему пред тобой человеку – один из видов любви к Богу.

Люди стоят друг от друга на расстоянии смерти. Как ласточки, они чуть касаются крылом друг друга на бреющем полете.

Скончавшихся – начавшихся прими, Господи, в Свою жизнь.

«Разве малость для тебя утешения Божии». И это неизвестно тебе? (Иова, XV,II).

Известно, Господи. Это единственное, чем мы живем.

Огромно творение в Боге. Когда мы с Тобой, мы необозримы, бездонны. И вокруг нас тогда и в нас, нет ничего малого.

Трудно говорить о Боге в третьем лице. Бог не «Он», а безмерное ТЫ.

Вера – дуновенье от Бога. А вера в эту веру – от человека.

Господи, прости меня, что я более веселюсь о Тебе, чем плачу о себе.

Евангельский Сын уходит из Дома Отца только один раз. И возвращается он к Отцу в Дом тоже один раз. А я всё время бегаю из Дома и вокруг него. Не умею, ни жить в нем, ни пасти свиней вдали от него.

Может ли грешный быть счастливым? Нет, не может быть. Но чудо совершается.

В юности, вера моя была «наковальней и молотом» (бьющим по раскаленному железу). А в старости работаю, как ювелир, над перстнями Отца, для детей, более близких к Нему, чем я.

Старость – праздничное прикосновение к слабости.

Когда думаешь, КТО ТЫ, Господи, и кто – я, любовь переходит в ужас. Но – «камо пойду от духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу».

Как медную лепту, приношу Тебе жизнь. Сделай ее настоящей медью.

Даруй, Господи, умереть ни от чего. Только от Тебя.

☆

Единый Боже, Троица Чудотворящая, приими наше покаяние, – молитвами Пресвятой Богородицы и всего неба. Аминь.

Всё дается нам удивительная земля.

Велика сокровенность Господа в мире и невероятна открытость Его нам… Хозяин Виноградника совсем близко. Сейчас войдет.

«Доселе вы не просили от Меня». Какое удивительно – нежное слово. Небесная Грудь просит: возьми, возьми Мое молоко. Щедрая сила Себя неопустошительно раздает.

Хорошо с Вечностью... Она нежна и царственна, «не различает дней», живет одним, уже наступившим Праздником.

Поучения Господа – шепот Младенца, еле уловимый. Господь единственный Младенец, Который не кричит, а шепчет. Шепотом Его полны небо и земля.

Спас, Голубое Око – икона чистого неба. Оно всё в тебе видит, и ты видишь, что оно видит.

Божественная нежность есть в каждом рассвете. Он медлит и тихо, неудержимо вливается в мир. Эти первые робкие звуки птиц... У них нет страны своей, только рассвет. Они так вольны и так утаенны.

Земля в солнечном дыму от любви Господней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

ЛИРИКА СТРАННИКА

«СТРАНСТВИЯ» (лирический дневник),
Нью-Йорк. 1960

«КНИГА ЛИРИКИ», Париж. 1966

«УПРАЗДНЕНИЕ МЕСЯЦА» (лирическая поэма),
Нью-Йорк. 1968

«НЕСКУЧНЫЙ САД», Калифорния. 1970

«СОЗЕРЦАНИЯ», Сан-Франциско. 1971

«ИЗБРАНИЕ ТИШИНЫ», Калифорния. 1971

«ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА», Стокгольм. 1974

«ИРОНИЧЕСКИЕ ПИСЬМА», Париж. 1975

«ПОЭМА О РУССКОЙ ЛЮБВИ» (вторая редакция
Поэмы «Упразднение Месяца»), Париж. 1977

«УДИВИТЕЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ», Калифорния, 1983.

СОБРАНИЕ ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ

Архиепископа Иоанна Шаховского

том	I	ЛИСТЬЯ ДРЕВА (опыт православного духоведения), Нью-Йорк. 1964
	II	КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ, Нью-Йорк. 1965
	III	МОСКОВСКИЙ РАЗГОВОР О БЕССМЕРТИИ, Нью-Йорк. 1972
	IV	К ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (Революция Толстого), Нью-Йорк. 1975
	V	БИОГРАФИЯ ЮНОСТИ, Париж. 1977
	VI	ПЕРЕПИСКА С КЛЕНОВСКИМ, Париж. 1981
	VII	ВЕРА И ДОСТОВЕРНОСТЬ (II-й том автобиографии), Париж. 1981
	VIII	ГОРОД В ОГНЕ (III-й том автобиографии) ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ.

ДРУГИЕ ТРУДЫ

I. ФИЛОСОФИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПАСТЫРСТВА, Священнослужитель, Берлин, 1935 г.

II. ВРЕМЯ ВЕРЫ: Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1954 г.

III. ЗАПИСИ О ЛЮБВИ К БОГУ И ЧЕЛОВЕКУ, Нью-Йорк, 1959 г.

IV. ПИСЬМА О ВЕЧНОМ И ВРЕМЕННОМ, Нью-Йорк, 1960 г.